

18+

Рустам Арсланов

18 МИНУС

Часть 1. Коляновка



Рустам Арсланов

Восемнадцать минус.
Часть 1. Коляновка

«Издательские решения»

Арсланов Р. И.

Восемнадцать минус. Часть 1. Коляновка / Р. И. Арсланов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699104-0

2030 год. Россия. Неизвестный вирус убил всё взрослое население. Болезнь легко переносят только дети и подростки; однако и они, начиная взрослеть, заболевают и умирают. Шестнадцатилетний подросток Дима со своим братом и маленькой сестрёнкой в поисках вакцины должен преодолеть 1000 км по дорогам постапокалиптической России, принадлежащей новым хозяевам — бандам и общинам детей и подростков.

ISBN 978-5-00-699104-0

© Арсланов Р. И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Восемнадцать минус

Часть 1. Коляновка

Рустам Илдусович Арсланов

© Рустам Илдусович Арсланов, 2026

ISBN 978-5-0069-9104-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-9105-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

2030 год. Россия. Неизвестный вирус убил все взрослое население. Болезнь легко переносят только дети и подростки, однако и они, начиная взрослеть, заболевают и умирают. Шестнадцатилетний подросток Дима, со своим братом и маленькой сестренкой, в поисках вакцины, должны преодолеть 1000 км. по дорогам постапокалиптической России, принадлежащей новым хозяевам — бандам и общинам детей и подростков.

Родители героев были учеными. Еще за пару лет до эпидемии они знали о надвигающейся катастрофе, но даже их знания не смогли предотвратить неизбежное. К весне 2030 года мир, каким они его знали, перестал существовать. Взрослое население почти полностью вымерло, оставив после себя хаос и руины цивилизации. Как ни парадоксально, эта эпидемия, унесшая жизни миллиардов, была порождена самим человечеством — его ненасытной жадой бессмертия.

В начале 2000-х годов группа влиятельных людей — бизнесменов пятой информационной революции и их лоббистов из власти — объединилась в тайное общество. Их целью была разработка фармацевтической системы, способной значительно продлить жизнь, для простоты называемой «Антистарин». Тайное общество собрало под своим крылом лучшие умы и лаборатории нескольких развитых стран, включая Россию. Родители Димы, Руслана и Настеньки были среди тех, кто курировал один из ключевых этапов разработки. Их исследования сосредоточились на теломерах — защитных элементах хромосом, связанных с процессом старения.

К 2023 году их работа дала первые плоды: первый вариант «Антистарина» показал положительные результаты, удвоив продолжительность жизни человека. Члены тайного общества, ставшие еще богаче и влиятельнее, начали инвестировать в прогнозирование будущего с помощью сверхмощного искусственного интеллекта. Прогнозы оказались мрачными: бешеный прогресс информационных технологий приведет к всемирной эпидемии психических болезней. Люди, получив неограниченный доступ к информации, погрязнут в эгоизме, корысти, зависти и других пороках. Это, в сочетании с перенаселением, неизбежно приведет к ядерному противостоянию и гибели человечества.

Чтобы предотвратить катастрофу, тайное общество решило создать вирус под названием «Моисей», механизм которого был основан на разработках «Антистарина», но с обратными результатами — заболевший практически моментально, за пару дней, старел и умирал. Целью «Моисея» было сокращение взрослого населения, чтобы уничтожить людей с «рабским», эгоистическим мышлением. При этом вирус не мог нанести вред детям и подросткам до 14-ти, 16-ти лет, так как взаимодействовал с половыми гормонами, которых много у взрослых. По замыслу, только новые люди, свободные от пороков, должны были унаследовать землю. Члены общества планировали спастись с помощью «Антистарина», а выжившим детям дать новые, духовные заповеди, чтобы предотвратить гибель человечества.

В 2024 году родители героев получили задание разработать «Моисей», не зная его истинной цели. Их жалование увеличили в разы, но многие ученые, включая родителей Димы, Руслана и Настеньки, выразили обеспокоенность. Они понимали, что «Моисей» может стать оружием массового уничтожения. Через несколько месяцев проект официально закрыли, а исследовательский центр расформировали. Родители героев перешли на работу в обычный научный центр в Перми. Однако, как выяснилось позже, проект «Моисей» продолжился с участием лояльных ученых.

В 2027 году в мире появился неизвестный вирус, убивающий только взрослых. Родители героев, связавшись с бывшими коллегами, узнали, что многие из них погибли при странных обстоятельствах. Они поняли, что «Моисей» запущен, а тех, кто пытается его остановить, устраняют. Попытка обратиться к властям и СМИ закончилась покушением, после которого

они чудом остались в живых. Осознав, что времени почти не осталось, родители укрылись у друзей в одном из коттеджных поселков Пермского края. Там они создали домашнюю лабораторию и, используя свои старые разработки «Антистарина», пытались создать вакцину от «Моисея». Параллельно они обучали Диму и Руслана навыкам выживания, медицины и другим необходимым знаниям. Они подготовили автомобиль «Газель» для поездки в Бежецк, что в тысячи километрах от Перми, где находился исследовательский центр, необходимый для завершения их работы.

Но время было против них. К весне 2030 года почти все взрослые вымерли, а мир погрузился в хаос. Родители героев благодаря своим знаниям и препаратам помогающим частично блокировать действие вируса, пока были живы, изолировались со своими детьми в домашней лаборатории в поселке и остались единственными взрослыми, по крайней мере в округе. Снаружи остальные взрослые вымерли уже год назад, а их дети самостоятельно устраивали свою новую постапокалиптическую жизнь.

Но, и родители героев, несмотря на свои старания и попытки избежать смерти от взросления, тоже заболели и начали быстро стареть. Откладывать поездку в Бежецк больше было нельзя, и они отправились в путь. По пути «Газель» сломалась, не проехав и пятисот километров. Порвался патрубок системы охлаждения, антифриз вытек, плюс состояние родителей резко ухудшилось. Они разбили лагерь в лесу, замаскировав машину, но препараты больше не помогали. Мама и папа умерли с разницей в несколько часов, оставив детей на полпути к Бежецку, со сломанной машиной и миром, который больше не принадлежал взрослым.

Глава 1

Не так представлял Дима свои чувства на тот момент, когда умрут родители. Он знал, что это произойдёт скоро — чудес не бывает, — и его ум фантазировал, конструируя возможные варианты реакций: горе, потеря смысла жизни и апатия, ощущения безысходности и страха, гнев и агрессия, а также многое другое. Но на деле его ум был ясен, и Дима давно не чувствовал себя так спокойно. Когда всё зависит только от тебя, лишние мысли и страхи становятся незначительными. До настоящего момента Дима переживал: доедут они до Бежецка или нет, умрут родители или нет, получится ли у них разработать вакцину или нет. Сейчас же, когда весь его мир, всеми нитями связанный с папой и мамой, рухнул, и они с братом и сестрой остались одни на полпути к цели, появилась чёткая задача, реализация которой зависела только от него. Дима любил конкретные задачи, возможно, потому что они связывали его с мирным и безопасным прошлым — до эпидемии, когда он учился в физико-математическом лицее. А может, его психика просто так защищалась, чтобы не слететь с катушек, чтобы не дать себе упасть в бездну отчаяния, зиявшую где-то рядом, на краю его сознания.

Дима был полностью поглощён выполняемым действием, но при этом отчётливо воспринимал всё, что происходило вокруг: глухой стук лопаты, врезающейся в сухую летнюю землю, влажную прохладу туманного воздуха, переключку пробуждающихся птиц, сдержанные всхлипывания брата Руслана, даже шорох падающей в могилу горсти земли и жука, отчаянно пытающегося выбраться из-под образовавшегося завала. Диме недавно исполнилось шестнадцать. Среднего роста, слегка полноватый, в очках, он явно не был привычен к физическому труду или спорту, и его неуклюжие движения с лопатой лишь подтверждали это. Каждый взмах лопаты давался ему с усилием, каждый удар о землю отзывался в его руках тупой болью, но он продолжал, не останавливаясь, словно в этом действии заключался единственный смысл его существования. Он копал, и в этом копании была какая-то странная, почти мистическая ясность. Земля поддавалась ему, сопротивлялась, но поддавалась, и каждый комок, выброшенный из ямы, был шагом вперёд, шагом к завершению.

И в этой работе, в этом монотонном, почти ритуальном действии, Дима находил нечто, что удерживало его от падения. Он не думал о будущем, не думал о том, что будет завтра, через неделю, через месяц. Он думал только о том, как правильно поставить лопату, как глубже вонзить её в землю, как поднять и выбросить очередную порцию грунта. И в этом была его сила, его спасение. А вокруг, как будто в насмешку, мир продолжал жить своей жизнью. Птицы пели, туман рассеивался, солнце начинало пробиваться сквозь облака. И Дима, с его неуклюжими движениями и потным лицом, был частью этого мира, частью этой жизни, которая, несмотря ни на что, продолжалась.

Руслан сидел на сырой утренней траве и рыдал, сжимая в жилистых, крепких руках пехотную лопатку, будто пытаясь ухватиться за что-то реальное, за что-то, что не уйдёт, не рассыплется в прах. Он старался делать это тихо, почти беззвучно, сдерживая каждый всхлип, боясь разбудить сестрёнку Настеньку, которая спала, укрытая детским неведением, как тонким одеялом, в туристической палатке на лужайке, метрах в десяти от леса. Она ещё не знала, что мама и папа умерли. Руслан думал о маме, о папе. О том, как они смеялись, как мама гладила его по голове, как папа рассказывал истории у костра. Теперь их не было. Теперь остались только он, Дима и Настенька. И эта лопатка в его руках, которая вдруг стала такой тяжёлой, будто в неё впиталась вся тяжесть мира.

Руслан был прост в своих эмоциях. Горе — он плакал, радость — он смеялся, злость — он кричал. Всё в нём было прямолинейно, как удар кулаком. Он не умел скрывать, не умел изворачиваться, не умел прятать свои чувства в тёмные закоулки души, как это делал Дима.

Дима был другой. Его ум был изворотлив, как змея, которая всегда найдёт лазейку, всегда ускользнёт от прямого взгляда. Дима мог молчать, когда нужно было кричать, мог смеяться, когда хотелось плакать, мог говорить о пустом, когда внутри всё кипело и рвалось наружу.

— Успокойся, возьми себя в руки! — тихо произнёс Дима, продолжая формировать лопатой геометрически ровную насыпь над могилой. Закончив работу, он отложил лопату и подтащил к могиле крест, сделанный из тонкого ствола молодой берёзы. К кресту была прикреплена столешница от складного столика с эмблемой завода ГАЗ.

— Надо обратно... — прошептал Руслан тихо. — Пока далеко не уехали...

— В смысле, обратно! — с удивлением ответил Дима. В его интонации не было места сомнениям, лишь стальная, отполированная до блеска воля. — Мы едем дальше!

— Куда мы без них? — пробубнил Руслан.

— Туда же, куда и планировали, — сухо отчеканил Дима.

— Они знали... Они знали, что надо делать... — продолжал Руслан.

— Их уже нет! Нам еще повезло, что наши так долго протянули. Хватит. Хватит уже сопли пускать!

Слова эти, грубые и обжигающие, на мгновение ошеломили Руслана. Он попытался вобрать в себя воздух, вытереть лицо, собрать в кулак рассыпавшуюся волю, но не смог. Рыдания, долго сдерживаемые, вырвались наконец наружу, беззвучные и оттого еще более страшные.

Тогда Дима встал, подошел к нему и, схватив за плечи, не то, чтобы грубо, но с той силой, какая рождается на грани отчаяния и долга, стал вколачивать в него свои доводы, словно забивая гвозди в собственные сомнения.

— Наша задача, — говорил он, и каждый его звук падал тяжелым молотом, — не выжить. Наша задача — довести. Довести до Бежецка материалы по вакцине! Другого варианта нет. Понимаешь? Никакого! Если мы вернемся, мы подохнем, как и все остальные. Мы умрем впустую. Так что заткнись, возьми себя в руки и помогай. Давай!

И в этот раз, как ни странно, жестокие, но ясные слова Димы подействовали. Не потому, что утешили, а потому, что поставили перед Русланом простой и чудовищный выбор: либо плыть по течению к неминуемой гибели, либо, стиснув зубы, бороться со смертью за призрачный шанс на спасение других. Он перестал плакать.

— Сейчас Настя проснётся... — сказал Дима, обернувшись в сторону палатки, где спала их младшая сестра. — Так, мы ей спокойно всё расскажем. Тогда она не испугается. Дай лопату.

Руслан медленно поднялся с земли, подошёл к Диме и, протягивая ему маленькую пехотную лопатку, спросил с дрожью в голосе:

— Может, не будем ей показывать? Скажем, что мама и папа уехали обратно, чтобы вылечиться или что-нибудь такое? Чтоб ей спокойней было...

Дима взял лопату и, не глядя на брата, начал выкапывать ямку для креста у изголовья могилы. Его лицо было сосредоточено, но в глазах читалась глубокая усталость и скрытая боль.

— Ей лучше рассказать всё честно, дать попрощаться. Если мы будем спокойны, то и она не сильно испугается. Она нас скопирует. Дети в шесть лет ещё не воспринимают смерть всерьёз...

— Откуда ты знаешь? — перебил его Руслан, в голосе которого звучали и страх, и надежда, будто он всё ещё верил, что можно как-то избежать этого страшного разговора.

Дима на мгновение остановился, потом продолжил копать, не поднимая глаз.

— ...им свойственна запоздалая реакция на горе, откладывающаяся на месяцы. Хуже для неё будет постоянно думать, что с мамой и папой, и почему они не возвращаются. Спокойно расскажем, и она будет спокойна.

Он говорил это с такой уверенностью, будто уже давно обдумал каждое слово, каждое действие. Но в его голосе, в его сжатых губах, в том, как он избегал взгляда брата, чувство-

валась та же боль, что и у Руслана. Просто Дима умел прятать её глубже, загонять в самые дальние уголки своей души, чтобы она не мешала ему быть сильным, чтобы она не мешала ему делать то, что нужно.

Руслан молчал, он считал, что это неправильно, что нельзя так просто взять и сказать маленькой девочке, что её мама и папа никогда не вернуться. Но он знал, что Дима, как всегда, прав. И это знание было ещё тяжелее, чем горе.

Дима и Руслан, погруженные в свой разговор, не заметили, как за ними наблюдала проснувшаяся Настенька. Она стояла, маленькая и хрупкая, с детским рюкзачком за спиной, и смотрела на них своими большими, еще сонными глазами. В них не было ни страха, ни удивления, лишь тихая, почти недетская серьезность.

— Мама с папой умерли? — спросила она спокойно, словно задавала вопрос о чем-то обыденном.

Не дожидаясь ответа, Настенька вприпрыжку подбежала к свежевырытой могиле, где лежал еще не установленный крест. Она села рядом, скрестив ножки, и достала из рюкзачка листы бумаги и разноцветные фломастеры. Ее маленькие пальчики быстро задвигались, и она принялась рисовать прямо на табличке, которая должна была стать памятной надписью. Она улыбалась и даже что-то напевала про себя.

— Теперь им не больно. Они не болеют. «Они на небе?» — спросила она, не отрываясь от своего занятия. Черный маркер в ее руке аккуратно обводил контуры на рисунке, старательно, с той особой сосредоточенностью, которая бывает только у маленьких детей.

— Защитная реакция. Вытри слезы! — резко полупшепотом обратился к Руслану Дима, но в его словах была не только команда, но и просьба. — Подыгрывай ей, чтобы поддержать, не травмировать ее.

Руслан молча кивнул, провел рукой по лицу, смахивая слезы. Он взял лопату у Димы и пошел докапывать ямку для креста, стараясь не смотреть на Настеньку. А Настенька, сидя у могилы, продолжала рисовать. Ее голосок вдруг зазвучал снова, тихий и нежный, обращенный к тому, кого уже не было:

— Мама, я уже почти дорисовала, — сказала она, словно разговаривая с живой. Ее мама, которая теперь жила только в ее фантазии, в ее детском сердце, казалось, слышала ее. Настенька улыбнулась, и в этой улыбке была вся ее детская вера в то, что где-то там, на небесах, мама и папа смотрят на нее и улыбаются в ответ.

Дима стоял в стороне, наблюдая за Настенькой, и тихо, почти шепотом, успокаивал сестру:

— Мама и папа будут приходить к тебе во сне. Мы с Русланом всегда будем рядом. Если вдруг станет грустно...

— Все! — вдруг вскрикнула Настенька радостно, прерывая его. Ее голос прозвучал так неожиданно, что Дима вздрогнул. Она достала из рюкзачка маленький тюбик клея и принялась приклеивать свой рисунок к табличке.

Только теперь Дима и Руслан разглядели, что было изображено на том листе. Черным фломастером Настенька нарисовала деревья, дома, солнышко, четыре могилы и в углу — одну себя, маленькую, с растрепанными волосами и большими глазами. Рисунок был простым, но в нем чувствовалась какая-то странная, почти мистическая глубина, как будто ребенок изобразил не только то, что видит, но и то, что чувствует.

— Мы с Димой никуда не денемся, — тихо сказал Руслан, больше для себя, чем для Настеньки. — Мы доедем до Бежецка, и у нас все получится. Не бойся.

Дима, не говоря ни слова, подошел к кресту, который лежал на земле, и, с усилием подняв его, поволок к изголовью могилы. Его лицо было напряжено, но в глазах читалась решимость.

— Руслан, помоги, — бросил он, и голос его звучал глухо, как будто слова пробивались сквозь камень.

Руслан молча подошел, взялся за крест, и вместе они установили его в ямку. Руслан периодически утрамбовывал землю, выравнивая основание, а Дима, взяв один из фломастеров Настеньки, подписал табличку под приклеенным рисунком: «Антипин Андрей Алексеевич, Антипина Мария Александровна. 5 июня 2030 года».

Веселая Настенька стояла рядом, смотрела на них, и в ее глазах не было слез. Только тихая, почти недетская уверенность, что все будет так, как должно быть.

Глава 2

Спустя полчаса все трое сидели на лужайке, рядом с двумя туристическими палатками, и завтракали. Дима, обычно медлительный и не слишком расторопный, теперь был как никогда деятелен. Если раньше он максимум мог приготовить что-то для себя, то теперь он рассыпал кашу быстрого приготовления по тарелкам, заливал их кипятком, заварил всем чай и аккуратно разделил поровну плитку шоколада.

— Я хочу в кашу! — капризничала Настенька, ковыряя ложкой в тарелке. Ее голос звучал так естественно, как будто ничего вокруг не изменилось, как будто они просто выехали на пикник, а не сидели здесь, среди леса, с двумя свежими могилами за спиной.

Дима, не говоря ни слова, взял Настину шоколадку, разделил ее на маленькие кусочки и крошил их в кашу. Руслан, сидевший рядом, молча проделал то же самое со своей порцией и протянул тарелку Настеньке. У него не было аппетита. Его лицо было бледным, глаза опущены вниз, но он старался держаться, хотя бы ради Настеньки.

— Что делать будем? — спросил Руслан у Димы.

Дима на мгновение задумался.

— Надо найти патрубок и антифриз, — наконец сказал он. — По деревням поищем.

— Думаешь, есть? — с сомнением спросил Руслан.

— Газелей много, — ответил Дима, его голос звучал увереннее, чем он сам чувствовал. — Надеюсь, повезет. Не найдем — дальше будем думать.

Он говорил это так, будто уже все решил, словно у него был план, хотя на самом деле он просто пытался удержать себя и других на плаву. Руслан кивнул, но в его глазах читалась тревога. Он понимал, что надежда это все, что у них осталось.

Настенька, тем временем, ела свою кашу, не обращая внимания на их разговор. Она была погружена в свой мир, где, возможно, все еще были живы мама и папа, где не было ни могил, ни страха, ни этой бесконечной дороги. Дима посмотрел на нее, и в его сердце что-то сжалось. Он знал, что теперь они — он и Руслан — должны стать для нее всем. И он будет делать все, что в его силах, чтобы она не почувствовала, как мир вокруг нее рухнул.

— Сегодня будем искать? — спросил Руслан у Димы.

— По карте посмотрим... — ответил Дима, не поднимая головы. Он сидел на корточках, разложив перед собой потрепанную карту, и водил пальцем по линиям дорог, словно пытаясь найти ответ на невысказанный вопрос.

Разговор их прервал внезапный шорох кустов. Оба обернулись. Из зарослей на лужайку выскочила девочка лет шести, чумазая, с растрепанными волосами.

Глава 3

— Ааааа! — прокричала девочка, держась за живот, и тут же, как вихрь, умчалась в лес, туда, где были похоронены родители. Видимо, ее приспичило «по-большому», а наших героев она явно не ожидала здесь увидеть.

— Катя, да не смотри я!.. — следом на лужайку вбежал пацан лет десяти. Увидев лагерь Димы, Руслана и Настеньки, он остолбенел. Его глаза, широко раскрытые, метались от одной фигуры к другой, словно он не мог поверить, что здесь, в этой глуши, есть еще люди.

— Привет! — радостно отреагировала Настенька, словно появление незнакомца было для нее праздником.

— ...Здрасьте. А вы что здесь?.. — наконец выдавил он, пытаясь начать разговор, но его голос дрожал, выдавая внутреннюю неуверенность.

— Она туда побежала, — Настенька указала в сторону леса, где скрылась чумазая девочка.

— Не идите сюда! Не смотрите, я стесняюсь! — донесся из леса голос девочки.

Пацан принял защитную позу гопника: засунул руки в карманы, развернул плечи, сделал дерзкое лицо и плюнул в сторону. Его поза говорила: «Со мной шутки плохи».

— Да не смотри я. Ты не убегай далеко, — крикнул он в сторону леса, затем обернулся к Диме и Руслану. — Пацаны, у вас есть бумага туалетная? — спросил он, больше для того, чтобы вывести парней на разговор, понять их настрой.

— Есть, — ответила за братьев Настенька, тут же полезла в палатку, достала рулон туалетной бумаги и побежала к пацану.

— Стой! — резко остановил ее Дима. — Дай сюда бумагу.

Настенька, не возражая, передала рулон Диме. Тот, недолго думая, швырнул его через лужайку незнакомцу. Рулон пролетел по воздуху и упал к ногам Олега.

— Она болеет? — спросил Дима, его голос звучал сухо, но в нем читалась тревога.

Дима уже убедился, что жизнь в условиях пост-апокалипсиса, в реальности, куда менее привлекательна, чем ее показывали в кино. Людей будут убивать не зомби и не междоусобицы. Помимо «Моисея», убившего всех взрослых и продолжающего убивать взрослеющих подростков, не менее опасной причиной массовой гибели станут болезни, с которыми люди раньше справлялись без труда. И лидирующие позиции займут кишечные инфекции: холера, брюшной тиф, ботулизм, дизентерия...

— У нас в деревне некоторые траванулись. Уже два дня с толчка не слазят, — ответил пацан, подбирая рулон бумаги. В его глазах читалось что-то вроде благодарности, смешанной с настороженностью. Он стоял, слегка сгорбившись, словно готовый в любой момент броситься в бегство, но при этом старался держаться с достоинством, как будто хотел показать, что он не из тех, кого легко запугать.

Пацан, закрыв ладонью глаза, медленно пошел в сторону, куда убежала девочка.

— Катя, я не смотри! Я тебе только бумагу брошу.

— Не смотри, Олег! Бросай оттудова, — донесся из кустов ответ.

Пацан бросил рулон в сторону голоса, затем обернулся к Диме и Руслану.

— Ты тоже болеешь? — спросил Дима.

— Я норм, — ответил пацан. — Мы сейчас уйдем. Я сестру заберу и уйдем.

Олег испугался незнакомцев. За последний год из их деревни пропало трое детей. Ходили слухи, что их забрали в рабство детдомовцы, держащие заправку неподалеку, или даже съели дикари, которых развелось немало в последнее время. Олег не знал, кому верить, но знал одно: доверять нельзя никому.

Дима тоже был не в восторге от неожиданной встречи. Отец предупреждал его, что нужно быть максимально настороженным к всевозможным поселениям и группам детей и подростков. За год, оставшись без взрослых, большинство из них скатились к эпохе средневековья или того хуже. Задача Димы и Руслана была добраться до Бежецка, минимально контактируя с другими.

— Ты откуда? — спросил Дима.

— Я? Из Коляновки. Мы раньше Слободкой назывались... Но уже не из Коляновки. Меня выгнали, а она... — пацан указал в сторону леса, где была Катя, — ...она сеструха моя, за мной поперлась.

— Почему тебя выгнали? — спросил Дима.

В этот момент из кустов, шатаясь, вышла Катя. Ее лицо было бледным, глаза потухшими, а движения медленными и неуверенными.

— Он картошку не окучивал, дрова зимой не таскал, на чердаке валялся, бездельничал, — упрекала Катя Олега, едва переводя дыхание.

— Дак там же дождь был! Что я должен в дождь что ли окучивать? Потом бы окучил, — защищался Олег.

Катя хотела продолжить спор, перечислить все «заслуги» брата, но не успела. Силы окончательно покинули ее, и она, как подкошенная, упала в обморок.

В одно мгновение всё напускное, вся эта хулиганская бравада, что так прочно срослась с Олегом развеялась, как дым. Лицо его, ещё секунду назад искажённое дерзкой гримасой, вдруг обнажило детскую растерянность. Он бросился к сестре.

— Кать! Ты че? Кать, Катенька! Она дышит?

Руслан и Настенька, не раздумывая, рванулись к Кате и Олегу, но Дима резко остановил их:

— Стойте! Вам жить надоело? — его голос прозвучал так громко, что всех заставил замереть на месте.

— Дак, ей же плохо, — пробурчал Руслан, но все же взял Настеньку за руку и отвел ее назад, к палаткам.

— У нее обезвоживание, — сказал Дима, уже обращаясь к Олегу. — Тебя же Олег зовут?

— Да, — ответил пацан, не отрывая взгляда от сестры.

— Олег, сиди и не двигайся. Я сейчас приду и помогу твоей сестренке. Не вздумай приближаться к моим, понял? Иначе прибью! — Дима никогда никого не бил и вообще избегал конфликтов, но сейчас он видел, что пацан боится его, и решил использовать это для перестраховки.

— Конечно, без бэ, братан! — подчинился Олег, хотя в его голосе читалась тревога. Он бы с радостью сбежал бы сейчас, если бы не сестра. Черт знает, что у этих на уме и куда этот здоровый очкарик пошел?

Дима встал и, не говоря ни слова, направился в глубь леса. Пройдя метров тридцать, он вышел на заброшенную лесную дорогу, которая когда-то, вероятно, служила для перевозки леса или дров. Дима побрел по ней, его фигура, сгорбленная под тяжестью мыслей, казалась еще более одинокой среди этого безмолвия.

Дима свернул с дороги, где, в листве, была замаскирована их машина — обычная грузопассажирская «Газель», не отличающаяся ничем от сотен тысяч своих близнецов, произведенных на Горьковском автозаводе. Дима приподнял маскировочную сеть, ключом открыл заднюю дверцу, ведущую в грузовой отсек, и забрался внутрь. Внутри все было продумано до мелочей. Запасы продуктов питания, воды, лекарств, а также множество кейсов и емкостей были аккуратно распределены по полочкам и надежно закреплены. Каждый предмет находился на своем месте, словно в тщательно организованной лаборатории. Было видно, что над этим хозяйством работали не один месяц, и все было разложено не только аккуратно, но и с учетом приоритетов.

Например, кейсы с лекарствами находились в быстром доступе, чтобы в случае необходимости можно было быстро найти нужное.

Дима достал один из таких кейсов, открыл его и разложил содержимое по полу грузового отсека. Таблетки, ампулы, порошки лежали перед ним, как арсенал против невидимого врага. Он внимательно осмотрел каждый предмет, затем потянулся в карман и достал защищенный смартфон. Такие смартфоны до эпидемии производились специально для использования в экстремальных условиях — он был пыленепроницаемым, выдерживал погружение в воду на глубину до полутора метров и, конечно, был ударопрочным.

Дима разблокировал смартфон, и на экране сразу высветился текстовый документ-статья какого-то психолога под названием «Как разговаривать с ребенком о смерти». Он закрыл и перед ним появился длинный список текстовых документов. Дима вышел из папки и поднялся выше по файловой системе, пока не дошел до корневой папки. Она содержала множество других папок: «Медицина и полевая медицина», «Охота и рыбалка», «Сельское хозяйство», «Агрономия», «Животноводство», «Теория машин и механизмов», «Строительство», «Оружие», «Выживание», «Математика», «Химия», «Автодело», «Психология», «Ориентирование в пространстве и Карты», «Приготовление еды», «Животные», «Насекомые», «Растения», «Металлургия» и так далее.

Родители Димы, занимаясь в течение двух лет разработкой вакцины, понимали, что могут не успеть. Они тщательно собирали и каталогизировали всю необходимую информацию, которая могла понадобиться их детям в новом мире. И вот, не успели еще остыть их тела, как эти знания уже потребовались Диме.

Он открыл файл с медицинским справочником, нашел раздел «Кишечные инфекции» и стал бегло изучать его содержимое. Параллельно он складывал в рюкзак пакетики с порошком «Регидрон», «Смекта», таблетки «Но-Шпа», «Линекс Форте», капли «Хилак Форте», «Энтерофурил» и другие лекарства.

Тем временем на лужайке Катя пришла в себя, но продолжала лежать на коленях у Олега, слабая и бледная. Руслан и Настенька, следуя указаниям Димы, оставались у палаток, наблюдая за происходящим с тревогой и любопытством.

— Вас там много? — спросил Руслан у Олега.

— Около пятидесяти. Мы со всех соседних деревень здесь собрались. Колян всех собрал.

— Родители давно умерли? — продолжил Руслан.

— Еще в том году, — ответил Олег. — Колян самый старый у нас. Он вообще обнаглел сейчас: всех заставляет пахать как лошадей, даже маленьких. Если не работаешь, так втащит, что мало не покажется.

В этот момент вернулся Дима с пакетом в руках. Он взял три кружки, достал из пакета лекарства, размешал в кружках них какой-то порошок, выпил сам, и дал выпить Руслану и Настеньке. После этого все трое приняли по таблетке. Дима разбавил новую порцию порошка в своей кружке, надел медицинскую маску и перчатки, взял из палатки одеяло и направился к Олегу и Кате. Его приближение насторожило их, и они, как бездомные щенята, чуть-чуть попятились назад.

Дима разложил одеяло перед Олегом и Катей и повелительным тоном сказал:

— Ложись.

Катя испугалась и прижалась к брату.

— Не бойся, мы тебя вылечим! — вмешалась Настенька, стараясь звучать как можно мягче.

— Тебя как зовут? — спросил Дима уже ласково, стараясь успокоить девочку.

— Ее Катя зовут, — ответил за сестру Олег.

— Чтобы тебя вылечить, ты мне должна помочь, окей? — спросил Дима, глядя на Катю. Девочка утвердительно кивнула и вытерла рукавом чумазое личико.

— У тебя только живот болит, или голова тоже? Может, она кружится? — продолжил Дима.

— Чуть-чуть голова болит, — наконец вышла на связь Катя.

— Ок. Пить хочешь постоянно?

— Угу, — кивнула девочка.

Дима протянул Кате кружку с разбавленным порошком и таблетку.

— Поможет. Таблетки умеешь пить?

Олег взял кружку у Димы, дал отпить из нее Кате и помог ей проглотить таблетку. Сам аккуратно помог сестре лечь на расстеленное одеяло. Дима достал из рюкзака градусник и сунул его под мышку больной.

— Живот сейчас пройдет. Пока опять в туалет не захотелось, попробуй поспать, а мы тебе кашу сварим. Ок? — укрывая Катю, прошептал Дима.

Катя закрыла глаза и моментально уснула — болезнь и беготня за изгнанным из деревни братом отняли у ребенка все силы. Дима аккуратно достал градусник и посмотрел температуру — ртутный столбик остановился на отметке около 40 градусов.

— Олег, сейчас она поспит недолго, и, как проснется, сразу помоги ей встать и снова сбегать в туалет, — сказал Дима и пошел обратно к костру.

— Ага! Мы уйдем потом, пацаны, вы не обессудьте, в натуре.

— Садись, чаек бахнем. — дружелюбно успокоил Олега Руслан.

— Че, можно? — спросил Олег у Димы, уже поняв, кто здесь главный.

— Давай, только отдельно сядь, — ответил Дима.

Олег и Дима, оставив завернутую в одеяло спящую Катю, вернулись к палаткам. Руслан уже принялся реанимировать потухший костер, подбрасывая в него сухие ветки и раздувая слабые угли. Вскоре огонь снова запылал, отбрасывая теплый свет на лица собравшихся.

Олег сел чуть поодаль, как и сказал Дима.

— Чай скоро будет, — сказал Руслан, поставив на огонь котелок с водой.

Глава 4

Олег принадлежал к той категории людей, в которых парадоксальным образом уживались два отношения к руководству: язвительная критика и почти рабское восхищение. Пока Катя спала, завернутая в одеяло, он, попивая чай, с гордостью, словно рассказывал о герое древних легенд, начал повествовать о заслугах Коляна — жестокого, но, по его словам, справедливого правителя Коляновки.

— Мы, Коляновские, — теперь Олег снова причислял себя к Коляновским, — друг за друга любого порвем! — произнес он с гордостью.

— А где вы еду берете? Ездите по округе, обыскиваете соседние деревни? — спросил Дима, стараясь звучать нейтрально, но в его вопросе сквозила тонкая нить интереса.

— По соседству уже голяк, нету нифига, — ответил Олег. — Там все, еще когда взрослые живы были, растаскали. Магазины в первую очередь выхлопали. Мы все сами выращиваем — у каждого дома свой огород и скотина. Остались, конечно, консервы там... дошираки всякие, но Колян их не дает никому — на черный день держит.

— И сколько домов у вас?

— Пять, — ответил Олег, уже привыкнув к вопросам. — Колян сам всех расселил, чтобы в каждом доме и старшаки были, и мелкие. Мы там как шпроты живем — битком, чтобы экономить на дровах. Мы с Катюхой жили в доме у Любы. Дней десять назад Колян меня выгнал из деревни, и я на сеновале кантовался пока. Потом все из Любинского дома заболели, и Колян их изолировал — запретил общаться с остальными...

— Даже так? — вставил Дима.

— Да, — кивнул Олег, словно это было само собой разумеющимся. — У нас еще весной шесть домов было, и в одном народ тоже траванулся. Они еще успели других заразить, кто из других домов. Окочурилось тогда человек семь, мелкие в основном. Колян теперь осторожнее стал — чуть что, сразу палево! Никого из больных не пускает общаться со здоровыми — пусть сами себя лечат. Так Любинские сейчас сами и придумывают, как себя лечить — остальные им даже не помогают — запрещено.

Дима слушал молча, его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах читалась напряженная работа мысли. Он понимал, что Колян, несмотря на свою жестокость, действовал логично, пытаясь сохранить то, что осталось. Но в то же время он видел, как эта логика превращала людей в изгоев, оставляя их один на один с болезнями и смертью.

Проснулась Катя. Она схватила туалетную бумагу и снова убежала в кусты, ее движения уже были не такими слабыми, как раньше.

— Кать. Как ты? — крикнул ей вдогонку Олег.

— Не идите сюда! — послышался из кустов крик Кати.

Дима посмотрел на Руслана. Тот сидел, уйдя в себя, его взгляд был устремлен вдаль — он снова думал о родителях. Настенька спала на его коленях, подложив под голову ладошки, ее лицо было спокойным, словно она видела сны о чем-то светлом и добром.

Вернулась Катя и присела рядом с Олегом, ее лицо уже не было таким бледным, а в глазах читалась слабая, но уже настоящая улыбка. Дима снова облачился в медицинскую маску и перчатки и дал больной очередную порцию лекарств.

— Живот не болит больше? — спросил он, ставя Кате градусник.

— Нет. Голова кружится, — ответила Катя.

— Ничего, такое за пару часов не лечится, — мягко сказал он. — Нужна неделя, как минимум.

— Вы меня вылечите? — Спросила Катя с трогательной, детской верой.

— Я дам вам лекарства, а лечить тебя будет твой брат. Я ему все расскажу, — объяснил Дима.

— Я-то? Да я в этих штуках не разбираюсь! — резко и бесцеремонно вклинился Олег. — Я напутаю, я же debil... О! — вдруг озарило его. — А пойдем с нами в Коляновку!

— Нет! — отрезал Дима.

Проснувшаяся Настенька вскочила, захлопала в ладоши, воодушевленная внезапной мыслью о деревне.

— Пойдем, пойдем! — звонко кричала девочка, подпрыгивая.

— Я сказал — нет! — сухо повторил Дима. — И чтобы ни единого слова о нас там не было. Иначе — ничего не дам, — пригрозил он, переводя взгляд с Кати на Олега.

— Да ты послушай, — не унимался Олег, желая переубедить Диму. — Колян, если ты Любиных спасешь, он тебе что хочешь даст! Продуктов разных... Вам надолго хватит...

— Ты что, не понял, что я сказал? — грубо прервал его Дима.

Олег сразу смолк, и за ним, как по команде, замолкла и Настенька. Повисла тягостная, неловкая пауза, которую, наконец, прервал Руслан.

— А ты-то чего собрался обратно? Тебя же, кажется, выгнали? — спросил он Олега с усмешкой.

— Э! — махнул рукой Олег. — Он меня сто раз выгонял. Он же мой двоюродный. Пустит, конечно... Поколотит, может... Но пустит. А если бы я тебя привел, -кивнул он в сторону Димы, — может, и бить не стал бы.

— Газельку он тебе не простит, -вставила Катя.

— Да простит! — резко огрызнулся Олег и, обращаясь к Диме с Русланом, стал пояснять: — Я от аккумулятора в телефоне играл... У нас это запрещено. Колян жадный, бензин бережет... А что она, Газель-то, стоит без дела? — возмущенно оправдывался он. — Аккумулятор там хороший, час поиграть — ему ничего... Ну, выгнал... Да плевать! К детдомовцам тогда уйду...

— У вас Газель есть? — вдруг перебил его Дима, и во всем его существе, в напряженном взгляде, читалось внезапное и живое внимание.

Известие это мгновенно перевернуло все его мысли. Теперь он думал уже не о том, как поскорее отделаться от заразных гостей и сменить стоянку, а о том, как добраться до коляновской «Газели».

— Да, есть, — подтвердил Олег.

Дима задумался, и в голове его, с быстротою, ему самому свойственной, уже начал складываться план.

— А Газель у вас одна? — наконец спросил он.

— Да, одна, — ответил Олег, не подозревая, куда ведет этот разговор. — На ней только он ездит, да иногда кто-то из старшаков, если дело важное.

— Бензин где берете?

— Бензин у детдомовских. У них заправка недалеко. Там у них Миха...

— В принципе, нам продукты нужны, — перебил его Дима, как бы размышляя вслух.

— И че? — опять не понял Олег.

— Веди нас в свою Коляновку! — решительно произнес Дима.

Дима уже понял, что Колян, хоть и жестокий, но продуманный парень. Вряд ли он откажется от возможности спасти жизни своих подопечных — все-таки как никак, а рабочие руки. Дима решил, что поможет Коляну вылечить больных, а пока будет лечить, найдет «Газель» и достанет патрубок и антифриз. Он понимал, что вряд ли Колян расщедрится запчастями от своей «Газели» за медицинские услуги — придется украть.

— А что, погнажи! — обрадовался Олег, и в глазах его вспыхнула радостная надежда. Он уже видел себя ведущим в деревню доктора-спасителя, видел, как Колян прощает его и сажает по правую руку, и вся жизнь его становится сладкою, будто в шоколаде.

Дима кивнул, он понимал, что этот план — лишь начало, и впереди их ждут новые испытания. Но он также знал, что другого выхода у них нет.

— Собираемся, — сказал он, поднимаясь.

Через минут десять все уже были готовы идти.

Выйдя из леса, герои увидели Коляновку. Им предстояло пройти еще метров триста через поле, превращенное в огромное кладбище. Только оно не было похоже на классическое кладбище с его строгими рядами памятников и оград. Здесь, среди высокой травы и полевых цветов, могилы казались частью самой природы.

Дети и подростки, оставшиеся в Коляновке после эпидемии, подошли к оформлению могил с искренностью и простотой, свойственной их возрасту. Могилы были украшены из подручных деревенских материалов: деревянные доски, камни, старые вещи из заброшенных домов. На многих могилах стояли кресты, грубо сколоченные, но крепкие, или таблички с вырезанными именами тех взрослых, кто похоронен. Имена были выведены неровными буквами. Вокруг некоторых могил были высажены цветы. Многие могилы были усеяны игрушками, книгами и рисунками. Куклы с оторванными руками, мячики, потрепанные тетради с детскими записями лежали на земле, как последний подарок тем, кто уже не сможет принять его. Рисунки, прикрепленные к деревянным крестам, изображали солнце, деревья, реку — все то, что осталось в памяти детей как символы семейного счастья.

«Горе объединяет», — вдруг промелькнуло у Димы в уме, хотя он и не мог вспомнить, где слышал эти слова. Но сейчас они казались ему такими верными, такими простыми и ясными. Их горе, их потеря, их одиночество теперь казались не такими страшными, не таким безысходными. Это было общим. Оно связывало их не только друг с другом, но и со всеми, кто остался в Коляновке, со всеми, кто тоже потерял своих близких и теперь пытался жить дальше. Дима вдруг почувствовал, как в его душе, там, где раньше была только пустота, появилось что-то теплое, почти нежное.

Олег и Катя, знакомые с местностью, шли вперед уверенно, не обращая внимания на могилы, будто они шли не через кладбище, а через знакомое поле, где каждое дерево, каждый камень были им давно известны. Но Настенька, шедшая позади, вдруг остановилась, словно вкопанная. Ее лицо побледнело, глаза расширились от страха, и она, не говоря ни слова, робко прижалась к Диме, обхватив его руку своими тонкими, дрожащими пальцами.

— Я боюсь, — прошептала она, и голос ее звучал так тихо, что его едва можно было расслышать.

Дима хотел что-то сказать ей, но в этот момент Олег, уже ушедший вперед, обернулся и, прищурившись, спросил:

— Вы чего?

Катя, шедшая рядом с ним, тоже остановилась и, взглянув на Настеньку, улыбнулась.

— Да не бойся, — сказала она и указала на одну из могил. — Тут наши мама и папа.

— Здесь есть привидения? — тихо спросила Настенька у Димы, крепче сжимая его руку своими маленькими пальцами.

Дима на мгновение задумался. Он хотел сказать что-то утешительное, что-то такое, что сразу бы развеяло ее страх, но слова не находились. Он чувствовал, как ее дрожь передается ему, и это смущало его еще больше.

— Нет, их не существует, — наконец произнес он, но голос его звучал неуверенно, и Настенька, казалось, почувствовала это.

Пока Дима пытался собраться с мыслями, к ним подошел Руслан.

— Давай сюда, — сказал он, наклоняясь к Настеньке.

Он подхватил ее легко, как перышко, и усадил себе на плечи. Настенька, немного удивленная, но уже чувствуя себя в безопасности, обхватила его голову руками.

— Закрой глаза, — мягко сказал Руслан, — и, когда пройдем, я тебе скажу открыть. Ок?

Настенька послушно закрыла глаза, прижалась к Руслану и затихла. Герои продолжили путь.

Какое-то время ребята шли молча, как и подобает, когда идешь по кладбищу. Тишина, нарушаемая лишь шелестом травы и редким криком птицы, казалась здесь естественной, почти священной. Но вдруг Олег, не выдержав долгого молчания, прервал его своим громким, чуть надтреснутым голосом:

— Настя, ты не бойся, днем привидения безвредны! — с видом знатока произнес он, стараясь успокоить девочку. — Юля говорит, что типа нечисть очкует при солнечном свете — ссут призраки, короче. Они дрыхнут или гасятся в тенях деревьев или могил. Только если мы не будем косячить, например, ходить по могилам, орать или кресты пинать, тогда палево уже. Но ночью лучше здесь не тусоваться — призраки, может, и не разматают тебя, но всякие там бесы, упыри или духи тех, кто умер неестественной смертью, сожрут с дерьмом, хрен найдешь потом.

— Заткнись, — полушёпотом, но с такой силой сказал он, что Олег сразу понял, что болтнул лишнего.

Дима прихватил пацана за шею, и тот покорно замолчал, лишь смущенно потупив взгляд.

— Байки, все нормально, не бойся, — попытался реабилитироваться Олег.

— А что за Юля? — тут же спросил у Олега Дима, стараясь отвлечь Настеньку от мрачных мыслей.

— Она из старшаков. У Коляна правая рука. Она по колдовству угорает, — ответил Олег, уже без прежней бравады.

Герои подошли к Коляновке со стороны огородов. Олег остановился и наклонился к своей сестренке.

— Кать, чеши обратно к Любе, чтоб никто не увидел, Колян, меня порвет, узнав, что я вернулся, а если узнает еще, что ты покинула дом, то точно выкинет нафиг из деревни.

Катя послушно кивнула и побежала вдоль огородного забора до полуразобранного сруба от дома или бани и скрылась за его углом.

Глава 5

Деревня Коляновка, ранее известная как Слободка, была небольшим поселением, состоящим из пятидесяти дворов, выстроенных вдоль одной улицы. Помимо жилых домов, здесь находился старый бревенчатый клуб, который служил центром общественной жизни деревни. После эпидемии Коляновка стала прибежищем для выживших детей и подростков из окрестных селений и дачных поселков. Ее расположение рядом с речушкой и лесом делало это место особенно привлекательным для жизни.

В деревне было заселено всего пять домов, самых крепких и добротных, расположенных в центре, недалеко от клуба. Эти дома стали убежищем для новой маленькой общины, которая начала формироваться в Коляновке после катастрофы.

Огород одного из обжитых домов был засеян картофелем, и на нём трудились шестеро детей в возрасте от трёх до шести лет: трое мальчиков и три девочки. Их задача была проста, но важна — собирать колорадских жуков, этих полосатых захватчиков, угрожающих урожаю. Ловко и сноровисто смахивали они с листьев жуков и их красных личинок в пластиковые ведёрки, на дне которых плескалась отрава, дабы пленённые насекомые не смогли выбраться на свободу.

Трое мальчиков, оглянувшись по сторонам и, видимо, убедившись, что никто за ними не наблюдает, побросали свои ведёрки и украдкой перебрались в самый дальний угол огорода, к которому примыкала стена заброшенного дома. Прижавшись к забору, они принялись отдиравать один из штакетников.

— Может, не надо? — прошептал один из них.

— Не хочешь — не ходи, но тогда ты проиграл... — с упрямым азартом ответил второй, видимо, самый отчаянный из троих.

— Говорят, там до сих пор мёртвые лежат, — шептал третий, помогая другу поддеть доску. — И по ночам встают... Степу ищут!

Наконец препятствие было устранено, и самый отважный из троих юркнул во двор заброшенного, таинственного дома. Вслед за ним протиснулся второй. Третий же не успел — его за ухо схватил внезапно появившийся старший из жукособирательной бригады, Степан.

— Степа-а-а! Отпусти! Больно! — взвизгнул мальчонка.

Степан разжал пальцы. Те же, что успели перебраться за забор, мигом вернулись назад и, потупившись, покорно поплелись к своим ведёркам — продолжать нехитрую, но важную трудовую повинность.

Солнце жгло спины, картофельная ботва шелестела под лёгким ветерком, а в воздухе, казалось, ещё витало дыхание несостоявшегося приключения. Но порядок был восстановлен, и работа закипела снова — как ни в чём не бывало.

Степан работал вместе с прочими, методично обходя ряды картофельной ботвы. Мальчик, что первым решился пробраться в заброшенный дом, будто невзначай, продолжая смахивать жуков, обернулся к нему:

— Степ, а расскажи про морщу?..

Степан молча взял у него ведёрко, где в мутной отраве шевелились полосатые жуки. Достал из кармана зажигалку, чиркнул — и сине-жёлтое пламя жадно лизнуло жидкость. Отравы вспыхнула, затрещала, и Степан, склонившись, с холодным любопытством наблюдал, как корчатся в огне насекомые, как чернеют их хитиновые спинки. Пламя лизало края ведёрка, пластик оплывал, съёживался, превращаясь в бесформенный комок. А он стоял неподвижно, будто замороженный этим маленьким адовым пламенем, пока от посуды не осталось лишь сморщенное, обгорелое нечто.

— Ну вот! Куда ж мне теперь собирать? — растерянно пробормотал мальчишка, разглядывая испорченную тару.

Но в этот миг его взгляд скользнул за забор.

— Степа, чужие! — закричал он.

Степан обернулся и увидел идущих вдоль огородного забора незнакомцев. Из-за забора были видны только высокие фигуры Димы и Руслана; Настю и Олега не было видно.

— Чужие! Чужие! — громко, почти испуганно, прокричал Степан.

Шестеро детей, трудившихся на огороде, мгновенно подхватили этот крик. Их голоса, тонкие и пронзительные, слились в единый вопль, который разрывал тишину деревни. И тут же, как эхо, поднялся шум — кричать стали все дети и подростки, разбросанные по дворам и улицам. Система оповещения, отточенная у Коляновских до совершенства, сработала мгновенно.

Дима и Руслан остановились, ошеломленные. Их лица выражали не просто удивление, но и какую-то смутную, почти животную тревогу. Стало жутко от этого воинствующего пришествия, от этого хаоса детских голосов, кричащих одно и то же слово, словно заклинание.

Однако Олег, не замечая происходящего, спокойно продолжал свое движение вдоль забора. Для него это была обыденность, привычная, почти бытовая сцена.

— Да свои мы, свои! — громко, с усмешкой крикнул Олег.

Обойдя огородный забор, герои вышли на главную улицу, где уже начинал собираться народ. Дети и подростки выходили из домов, выглядывали из-за ворот, прячась в полумраке, но не скрывая любопытства. Дима чувствовал их взгляды, тяжёлые и настороженные, он понимал, что всем интересно, но в то же время сам внимательно смотрел по сторонам, ища в толпе признаки возможной угрозы. Внутри него клубилось что-то тёмное, тревожное, но он старался не поддаваться этому чувству, держась за мысль, что он здесь не просто так, что он несёт спасение.

Через два дома, на крыльце деревенского клуба сидели ребята повзрослее. Дима сразу понял, что они — главные. Их позы, их взгляды, их молчаливая уверенность говорили о том, что здесь они хозяева. Олег направился прямо к клубу, Дима с братом и сестрой последовали за ним.

Дима чувствовал, как страх начинает сжимать его горло. Он понимал, что этот страх — не более чем иллюзия, огородное пугало, порождение его собственного ума, который всегда ищет подвох, всегда готовит к худшему. Дима вспомнил, как всегда, боялся перед экзаменами, как сердце его билось так, что казалось, вот-вот вырвется из груди. Но тогда, как и сейчас, здравый смысл говорил ему, что всё будет хорошо — он готовился, он знал, что делает, ведь, если Колян смог наладить хозяйство, сплотить людей, то он заинтересован в здоровье своих подопечных.

Вход деревенского клуба венчалось старое, чуть покосившееся деревянное крыльцо. Три ступеньки, выщербленные годами и непогодой, вели вверх, к двери, которая когда-то, должно быть, была выкрашена в яркий цвет. На перилах, облупившихся и шершавых, сидели и шелкали семечками трое подростков — два парня и одна девушка.

— Я не понял, ты че приперся, тебе же Колян сказал! — нагло крикнул лысый пацан, прыгивая с перил и направляясь к Олегу.

— Лысый, прости, братан, я привёл вот этих... — язык Олега заплетался от страха, голос его дрожал, как будто он уже знал, что сейчас произойдёт.

Лысый, не говоря ни слова, дал Олегу подзатыльник, отчего тот отлетел в сторону и упал, как мешок, не пытаясь даже защититься. Затем Лысый подошёл к Диме, Руслану и Настеньке, которые стояли позади, застывшие в ожидании.

— Вы кто такие? — обратился Лысый к Диме, его голос был низким, грубым, но в нём чувствовалась не просто злость, а что-то большее — власть, привычка командовать.

— Я, Дима, — уверенно представился Дима и протянул руку, но Лысый не пожал её, лишь смерил его взглядом, холодным и оценивающим.

Руслан даже не стал здороваться, понимая, что им здесь не рады. Настенька крепко обняла Руслана, ища защиты, она, как и все дети, нутром чувствовала агрессию.

— Мне Олег сказал, что у вас народ болеет, я могу помочь, — сразу к делу перешёл Дима, стараясь говорить твёрдо, но в голосе его всё же проскальзывала неуверенность.

В этот момент с другого конца деревни донеслись крики: «Детдомовские! Детдомовские!» Деревня, как живой организм, снова всполошилась, чтобы предупредить своих. Сразу после криков послышался звук двигателя мотоцикла, который быстро приближался.

Все, кто сидели у входа, резко вскочили и вышли к главной улице.

— Тут сидите пока, — властно распорядился Лысый и тоже пошёл к главной улице, его фигура, высокая и худощавая, выделялась среди остальных.

Дима, Руслан и Настенька взошли на крыльцо клуба, где Дима помог Настеньке запрыгнуть на перила. Они остались одни, но чувствовали, как напряжение вокруг них нарастает.

На главной улице, рядом с Лысым и его товарищами, столпилось несколько ребятишек младшего возраста. С дальнего конца улицы на большой скорости приближался мотоцикл с коляской. Рев его двигателя, подобно рыку зверя, разрывал тишину, и казалось, что он и не собирается останавливаться. Малолетки, как испуганные воробьи, разлетелись в стороны, а Лысый и второй пацан, стараясь сохранить видимость спокойствия, стараясь не показывать страха, медленно, почти нехотя, отошли к обочине. Одна лишь девушка, та, что сидела у клуба, не дрогнула. Она стояла, словно изваяние, её взгляд, полный спокойствия и какой-то странной, почти мистической уверенности, был устремлен на приближающийся мотоцикл. Мотоциклист, не доезжая всего нескольких метров до неё, резко ударил по тормозам. Шины завывали, зашуршали по асфальту, оставляя за собой черные полосы, словно следы от когтей невидимого зверя. Переднее колесо остановилось буквально в нескольких сантиметрах от её колен. Она даже почувствовала тепло, исходящее от раскаленной шины.

Мотоцикл был обременен не только привычной коляской, прилепленной к боку, но и еще одним, нелепым и тяжелым отростком — грузовым прицепом от легковушки.

За рулем мотоцикла сидел улыбчивый пацан четырнадцати лет. Он был одет в джинсы, рубашку и даже, хоть и не глаженный, но пиджачок, что очень выделяло его среди окружающих, одетых в мешковатые балахоны и спортивные костюмы. Было заметно, что водитель умудрялся даже следить за собой, и своей прической. Своим внешним видом и улыбчивым лицом он располагал к себе, хотя и принадлежал к группировке отмороженных детдомовцев.

Из коляски, как из древней колесницы, с легкостью и грацией выпрыгнул пацан повзрослее, лет пятнадцати, высокий и крепкий. Его фигура, поджарая и сильная, дышала уверенностью и силой. Он был одет в спортивные шорты и майку, а на шее болталась потускневшая золотая цепочка. Костяшки на его кулаках, покрытые шрамами и ссадинами, рассказывали без слов о том, что он не раз участвовал в уличных схватках.

— Че, обосрались? — радостно, с вызовом в голосе, поприветствовал он деревенских пацанов, проверяя их на прочность.

— Тебя что ли? — спокойно, с легкой усмешкой, ответила бесстрашная девушка. Ее голос звучал так уверенно, что даже пацан на мгновение задумался, прежде чем продолжить.

— Привез? — не здороваясь, спросил Лысый, его тон был сух и немного отстранен, будто он не хотел показывать, что этот приезд для него что-то значит.

— А ты чего такой неприветливый? Если есть че предъявить — предъяви! — все так же весело, но уже с ноткой вызова, продолжал пацан, протягивая руку Лысому.

— Здорова, Миха, -протянул руку Лысый.

Дима, Руслан, Настенька и Олег, стоя на крыльце клуба, наблюдали за происходящим.

— Миха — пахан у детдомовских, — с гордостью, но вполголоса, представил приехавшего пацана Олег, будто он сам был причастен к этому авторитету, к этой силе, которая исходила от Михи.

Миха вел себя как хозяин, как человек, привыкший к тому, что его слово — закон. Ему нравилось упиваться своим авторитетом, нравилось видеть, как другие, даже те, кто пытался казаться равнодушным, невольно подчинялись его воле. Он был как актер на сцене, играющий роль, которую сам для себя придумал, и играл ее с таким мастерством, что даже самые скептически настроенные зрители начинали верить в его силу.

— А ты подготовил жрачку? — шутливо спросил Миха Лысого, слегка стукнув его по плечу, но в этом легком тоне чувствовалась угроза, словно он проверял, насколько далеко может зайти.

— Юля, принеси, — сухо обратился Лысый к бесстрашной девушке, которая все еще стояла перед мотоциклом.

Девушка, жестом позвав за собой малолеток, пошла в сторону клуба. Малолетки колонной, послушно последовали за ней. Юля поднялась на крыльцо, прошла мимо Димы, достала из поясной сумки внушительную связку ключей, открыла замок на двери клуба и зашла внутрь.

— Ух ты! Какая хозяйюшка! — прокомментировал уход девушки Миха, с явным восхищением, но в этом восхищении чувствовалась и доля насмешки.

— Ее Юля зовут, — резко ответил Лысый, — сестра моя.

— Посимпатичней тебя будет, — засмеялся Миха.

Юля действительно была симпатична — именно симпатична, а не красива. Ей едва минуло четырнадцать лет, но уже в её чертах, в её движениях, в самой её сути начинало проглядывать что-то новое, что-то, что невольно заставляло обратить на неё внимание. Она была на той грани, где детство ещё не совсем отпускает, но уже начинает уступать место чему-то более зрелому, более осознанному. Её фигура, ещё не сформировавшаяся до конца, уже теряла угловатость девочки, но и не обрела пока округлости женщины. Она носила широкие джинсы и просторный балахон, который, казалось, был на несколько размеров больше, чем нужно, но даже эта мешковатая одежда не могла скрыть того, что в ней уже пробуждалась девушка.

— Если ты ее хоть пальцем тронешь... — всерьез и с угрозой сказал Лысый.

— ...И что мне будет? — перебил его Миха, он хотел проверить, насколько далеко может зайти Лысый.

Лысый подошел к Михе, стало ясно, что за сестру он готов драться, и это заводило Миху. Лысый толкнул Миху, от чего тот отскочил на пару шагов назад и моментально принял боксерскую стойку, готовый к бою. Обстановка накалилась, водитель мотоцикла незаметно достал из бокового кофра, закрепленного за передним сидением мотоцикла, нож и засунул его в карман своего пиджака. Миха уже свайпнул на носочках к Лысому, чтобы сократить дистанцию и пробить свою фирменную троечку, как на всю Коляновку прозвучал громкий свист. Все обернулись к одному из соседних домов, в проеме калитки которого стоял здоровый парень с топором в руке.

— Колян, здарова! — с показушной радостью приветствовал его Миха, — дрова рубишь?

Колян подошел к мотоциклу. Миха протянул ему руку, но Колян не обратил на это внимания. Колян заметно выделялся среди остальных — в свои шестнадцать он выглядел старше своих лет — лет на восемнадцать, не менее. Он был выше и сильнее Михи, его фигура дышала грубой силой, которая, казалось, была выкована в трудах. Он был авторитетом в деревне ещё до эпидемии. У родителей Коляна было своё небольшое крестьянско-фермерское хозяйство, и он с раннего детства пахал как лошадь, впитывая в себя не только силу земли, но и её суровую мудрость. Ответственное отношение к общему семейному делу не мешало ему хулиганить со своими сверстниками и регулярно драться с парнями из соседних деревень, чем он и заработал себе авторитет. Он знал, что только твёрдым кулаком можно заставить деревенских рабо-

тать. При этом его уважали, так как сам он умел работать руками и знал своё дело. Колян был туповат, но по-хозяйски, по-деревенски, смекалист — он впитал хозяйскую мудрость из самой земли, а не из скучных школьных уроков.

— Да ладно, мы прикалываемся! — с шутливой улыбкой воскликнул Миха, шуточно демонстрируя боксёрские приёмы перед Лысым, который уже напрягся, готовый к драке. Миха, смеясь, изобразил несколько уклонов и нырков, движения его были резкими, но в них чувствовалась некоторая театральность, словно он играл роль, чтобы разрядить обстановку. — Лысый, ты чего? Я ж придураюсь! — добавил он, похлопывая Лысого по плечу, снимая напряжение.

Миха был из тех, кто всегда лезет в драку, заранее зная, что соперник слабее. Он вырос в детском доме города Слободский, где стал местной звездой — чемпионом района по боксу. Он привык к тому, что сила — главный аргумент в спорах. После того как взрослые умерли, Миха с группой таких же детдомовских захватил заправку у деревни Понизовье, в пятнадцати километрах от Коляновки. Это дало им доступ к огромным запасам топлива, что сделало их положение ещё более уверенным. Миха умело поддерживал свой авторитет, провоцируя других на драки, но всегда делал это с расчётом, не рискуя понапрасну. Однако с Коляном всё было иначе. Миха знал, что если Колян начинал драку, то не для показухи или бравады. Шуточные провокации Михи могли легко перерасти в жестокий мордобой, где на кону стояла уже не просто победа, а жизнь.

— Ты чего приперся? — спросил Колян, по-хозяйски усевшись на коляску мотоцикла детдомовских.

— Вы же сами позвали! — с удивлением ответил Миха, разводя руками.

В этот момент дверь клуба распахнулась, и на крыльцо выкатилась садовая тачка, гружённая продуктами. Её уверенно везла Юля. Она крепко держалась за ручки тачки. Тачка с лёгкостью преодолела три ступеньки крыльца, прокатилась по тропинке по главной улице и оказалась рядом с мотоциклом.

— Какая ты сильная! — с удивлением прокомментировал Миха, наблюдая за Юлиными манипуляциями.

Вслед за Юлей, точно из прорвавшегося муравейника, из дверей клуба гуськом потянулись малолетки. Они несли плоды своих трудов: бутылки и банки с молоком, караваи хлеба, творог, аккуратно расфасованный по пакетикам, брикетки сыров, яйца в картонных коробках, и складывали свою ношу рядом с мотоциклом и Юлиной тачкой.

Лысый тем временем подошёл к Коляну и наклонился к его уху.

— Колян, помнишь, мы насчёт моей днюхи базарили...

Водитель мотоцикла, которого Миха называл Татарин, подошёл к разложенному богатству и стал изучать товар с медлительной, скрупулёзной важностью предпринимателя. Он брал в руки каждую банку, каждый свёрток, ощупывал пальцами, проверяя на вес, и вполголоса, одними губами, бубнил себе под нос, сверяясь с невидимым списком: — Молоко... яйца... хлеб... творог...

— А мяса нет, что ли? — громко негодовал Миха.

— Какое тебе мясо? Осенью только бычков резать будем, — резко ответила Юля. — Бери что есть!

— Блин, по шашлычку соскучился, — отшутился Миха.

Обстановка, казалось, немного разрядилась, но напряжение между ними всё ещё витало в воздухе. Каждый понимал, что в этом мире, где сила и ресурсы решают всё, шутки могут быстро обернуться серьёзным конфликтом.

— Татарин, нормально все? — уточнил Миха.

Татарин утвердительно кивнул.

— Окей. Давай канистру...

Татарин, обошел мотоцикл и вытащил из коляски десятилитровую канистру полную бензина. Колян тут же перехватил её, открутил крышку и, принохавшись, убедился в качестве содержимого.

— Туфту не продаем! У нас только чёткий бенз! — оторвавшись от инвентаризации обмениваемых продуктов, громко и с гордостью произнес Миха.

— Забирай продукты и вали отсюда! — сухо ответил Колян.

— Базар! Обращайтесь! — парировал Миха, несколько не смутившись. Он ловко подкатил тачку к тележке мотоцикла и принялся перегружать провизию в коляску.

Татарин, между тем, с тою же сосредоточенною важностью принимал от малолеток остальные припасы. Он укладывал их с методичною аккуратностью. Из коляски он достал несколько заготовленных, старых шмоток, и прокладывал ими между банками, чтобы, не дай Бог, ничего не разбилось в пути.

За мотоциклом стояла Юля. Она неторопливо пила молоко из пол-литровой бутылки, закусывая толстым ломтем свежего хлеба. Аромат теплого, только что испеченного каравая разносился вокруг, наполняя воздух чем-то домашним — только у Коляновских ещё оставалась мука, и только они умели печь такой хлеб.

Миха невольно задержал взгляд на девушке. Закончив укладывать товары, он подошёл к ней и, без лишних церемоний, но и без грубости, взял у неё бутылку и отпил молока. Юля не сопротивлялась. Более того — отломил кусок хлеба и протянула ему.

— Есть чем заплатить? — спросила она игриво.

— А то! — оживился Миха. — Мы, детдомовские, никого не кидаем, если к нам с нежностью и уважухой!

Миха допил все молоко из скупой поллитровой бутылочки, вернулся к мотоциклу, достал из коляски шланг, открутил крышку бензобака, вставил туда один конец шланга, со второго конца отсосал воздуха, пока оттуда не побежал бензин и вставил второй конец в только что опустошенную бутылку из-под молока.

Татарин тихо подошёл к своему главарю и, понизив голос до почти шёпота, заговорил с той осторожной, подобострастной тактичностью, которая свойственна людям, знающим своё зависимое положение:

— Блин, ты че? Мы же базарили, помнишь? — словно бы не решаясь прямо высказать упрёк, но и не в силах сдержать его вовсе.

— Слышь, Татарин! Не стони, а! — грубо огрызнулся Миха, даже не оборачиваясь, весь поглощённый своим делом.

И Татарин, послушно и немедля отошёл в сторону, на своём лице не отразилось ни обиды, ни удивления — лишь привычная покорность воле начальствующего.

Бутылочка почти моментально наполнилась топливом цвета свежего меда. Миха сплюнул попавший ему в рот бензин и подошел к Юле, протягивая ей бутылочку.

— Рад был торговать с вами, надеюсь, ещё скооперируемся, — проговорил он почти ласково и, не дожидаясь ответа, запрыгнул на мотоцикл.

— Погнали! Всем отлично потусить! Лысый, с днюхой!

Татарин, подпрыгнув на своем сидении, надавил на кикстартер и двигатель тут же послушно откликнулся. Пространство вокруг наполнилось редким для Коляновки ароматом выхлопных газов, мотоцикл, дрефтуя шинами по асфальту резко тронулся и исчез за поворотом быстрее, чем Юля успела завинтить пробку на бутылочке с бензином.

Глава 6

Дима стоял на крыльце, наблюдая за процедурой обмена, и уже успел уяснить две вещи: во-первых, что Колян пользуется здесь не просто уважением — помимо того, что он владеет Коляновкой, его еще бояться в округе; во-вторых, что слова он тратит скупно и говорить с ним лучше кратко, точно, без малейшей праздности.

Как только Миха скрылся за поворотом, всё внимание коляновцев, разом устремилось к чужакам. Колян двинулся вперед — тяжело, неспешно, как танк, — а за ним, словно тени, поплыли Лысый, Юля и любопытные малолетки, жадные до зрелищ.

Дима, уже ощутивший во рту медный привкус страха, разглядел Коляна вблизи: тот был здоровее, крупнее всех, будто вырублен из другого дерева, из той породы, что не гнётся, а ломает. Но отступать было поздно. Стиснув зубы, Дима спустился с крыльца и протянул руку Коляну, и тот в ответ пожал её — не то, чтобы грубо, но основательно, по-деревенски, с той особой, нарочитой силой, какую мужчины в глуши испытывают друг друга: мало ли, может, этот городской ещё вообразит себя равным?

Колян обвёл глазами Руслана, потом остановил взгляд на Настеньке — маленькой, хрупкой, с испуганно-любопытными глазами. И что-то дрогнуло в его жёстком, как камень, лице — может, отблеск давно забытой жалости, а может, просто усталость от вечного напряжения власти. Голос его, обычно глухой и рубленый, смягчился, в нём даже проскользнули нотки чего-то похожего на дружелюбие:

— Вам чего надо?

Дима почувствовал, как в груди слабо кольнуло — шанс. Говорить надо было прямо, без колебаний, но и без вызова.

— Мне Олег сказал, что у вас здесь больные. Я могу их вылечить.

— А ты врач, что ли?

Ложь вырвалась сама собой, легко и естественно:

— Да. Я учился в медицинском колледже до того, как все взрослые умерли.

Колян молчал секунду, две — и в этой паузе Дима услышал тиканье невидимых часов, отсчитывающих его судьбу.

Дима тут же перешел к делу, желая заглушить тревогу практическими подробностями:

— Мне бы еще, если у вас есть, что-нибудь для восстановления жидкости — «Регидрон», например. Для вывода токсинов — «Смекту», «Полифепан» или «Микросорб». Еще «Но-шпу»...

Но договорить он не успел. Колян внезапно, со всего размаха, ударил Диму по затылку.

Удар был так силен, что Дима не удержался на ногах — он рухнул вперед, ударившись лицом о землю у самого крыльца. Очки слетели, и он, стоя на четвереньках, судорожно зашарил руками по пыльной земле, пытаясь их найти.

Коляновские захохотали.

— Ты тут не умничай! — прорычал Колян. — И не заливай мне тут своими ботанскими штуками. Гонишь! Никакой ты не доктор!

Руслан рванулся вперед, но Дима, уже нашедший и надевший очки, успел схватить его за штанину и резко дернул назад.

— Тихо, — прошептал он, — не нарывайся.

— Ого, какой горячий! — Колян усмехнулся, оглядывая своих. Те поддержали его новым взрывом смеха. — Валите нахрен отсюда. Мы чужаков не пускаем. Еще раз увижу, убью!

Дима никогда еще не чувствовал себя так униженно. До эпидемии он учился в физико-математическом лицее, где драки были немыслимы — они карались отчислением, да и среди «ботаников» выяснение отношений кулаками считалось дикостью. Теперь же, кроме жгучей

боли в затылке, он испытывал стыд, ярость и горькое сознание собственной незащитности. Его самолюбие было уязвлено, но разум подсказывал: сопротивление бессмысленно.

Он встал, отряхнул колени и промолчал. Обиду пришлось проглотить — другого выхода не было.

— Окей! — произнёс Дима с внезапной смелостью, удивившей его самого, но, как будто, некая высшая сила влекла его язык. — Только через полгода вы все будете мертвы. Как вымирали раньше целыми деревнями от чумы. Простой изоляцией от больных вы ничего не исправите. Сейчас — они, завтра — следующий дом, и так, пока не ляжете все.

Колян задумался, он вспомнил, что весной похожая хворь унесла жизни нескольких колянцев. Он кашлянул, плюнул в сторону и задал Диме вопрос:

— Откуда приехали?

— Пришли, — спокойно отвечал Дима, скрывая, что у них есть машина, — из Слободского идем.

— Не гони. Вы как через детдомовских прошли?

— Что мы, смертники, через Понизовье идти? Вдоль речки обошли, через турбазу.

Руслан слушал с удивлением, как его брат искусно и убедительно лжет Коляну.

Дима подготовился основательно: еще в лесу он изучил карту от Коляновки до Слободского, запомнив все населенные пункты и дороги, что лежали на пути. Наблюдая недавно, как колянские меняли бензин на продукты у детдомовских, он заметил, в какую сторону уехал Михал, и без труда смекнул, что те должны базироваться близ деревни Понизовье — ибо лишь там, в округе, была единственная заправка. Колян же не привык ко лжи столь тонкой. Люди его круга ввали грубо, без изворотов, и потому уверенное жонглирование Димой названиями деревень и точными приметам местности лишали Коляна последних сомнений. Да и сама Настенька, притихшая рядом с Русланом, придавала чужакам вид безобидности.

— А ты чего такой добрый, Доктор Айболит? — с недоверием в голосе спросил Колян.

— Ты мне — я тебе, — ровно ответил Дима. — Я вылечу, а с вас — еды на неделю нам на троих.

Колян не верил в бескорыстную помощь ближним, в жертвенность и прочую сентиментальную чепуху. Но вот это — это он понимал. Предприимчивый подход Димы был ясен и разумен: спасти десяток рабочих рук в обмен на мизерную долю провизии — сделка более чем выгодная.

— Ладно, — наконец сказал Колян, и окружающие даже переглянулись: редко он бывал столь сговорчив с незнакомцами. — Давай. Лечи. Только жить будешь с больными. А твои — у Юли.

Колян кивнул на Руслана и Настеньку.

Дима взглянул на брата. Руслан утвердительно кивнул, давая Диме знать, что он присматривает за Настенькой — они уже затеяли эту игру и давать заднюю было поздно.

— Если они помрут, я закопаю тебя вместе с ними! — сухо и убедительно сказал Колян.

— Окей... — согласился Дима, стараясь не выдать своего страха

— Покажи ему нашу аптеку, может что-нибудь подойдет, — сказал Колян, обращаясь к Юле. — И отведи к больным.

— Пойдем, — коротко бросила Юля.

Дима, прежде чем последовать за ней, присел перед Настей.

— Ты не бойся, хорошо? Я вылечу больных, и мы опять будем вместе. Там карантин и тебе будет опасно находиться со мной. Слушайся Руслана.

Настенька, не говоря ни слова, лишь молча кивнула, она до сих пор не могла оправиться от внезапной грубости, от того подзатыльника, что дал Диме Колян.

Дима встал и обернулся к Руслану и полусшепотом произнес:

— Ни шагу от нее, понял меня!

— А что с? — так же шепотом спросил Руслан, но не посмел договорить, боясь произнести вслух о коляновской «Газели».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.